

МЕСТО ФИЛОСОФИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ В. И. ВЕРНАДСКОГО О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

THE PLACE OF PHILOSOPHY
IN THE SYSTEM OF HIGHER
EDUCATION IN THE LIGHT
OF VIERNADSKY'S IDEAS
ON THE FORMATION
AND DEVELOPMENT
OF THE SCIENTIFIC WORLDVIEW

**E. Mezentsev
P. Makuhin**

Summary. In the article, an attempt to apologize philosophy as an academic discipline (whose importance in the national system of higher education is now called into question) is carried out by appealing to Vernadsky's legacy, and, first of all, by its component that concerns the problem of forming a scientific worldview. As a result of comprehending the mechanisms of development of the latter, the authors formulate arguments in favor of the fact that the study of even unscientifically oriented directions of philosophy is necessary for the formation of a world-view in students of a scientific type.

Keywords: scientific philosophy, the teaching of philosophy, the legacy of V.I. Vernadsky, the progress of science, science and extra-scientific knowledge, the problem of the scientific nature of philosophy.

Мезенцев Евгений Анатольевич

К.ф.н., Омский государственный технический университет
mez72@mail.ru

Макухин Пётр Геннадьевич

К.ф.н., Омский государственный технический университет
petr_makuhin@mail.ru

Аннотация. В статье попытка апологии философии как учебной дисциплины (значимость которой в отечественной системе высшего образования сегодня поставлена под вопрос) осуществляется путём обращения к наследию В. И. Вернадского, и в первую очередь — той его составляющей, которая касается проблемы формирования научного мировоззрения. В результате осмысления механизмов развития последнего авторы формулируют доводы в пользу того, что изучение даже несциентически ориентированных направлений философии необходимо для формирования у студентов научного типа мировоззрения.

Ключевые слова: научное мировоззрение, преподавание философии, наследие В. И. Вернадского, прогресс науки, наука и вненаучное знание, проблема научности философии.

Настоящая статья представляет собой попытку ответа на принципиальный вопрос, закономерно вытекающий из следующего нашего тезиса: в ситуации перманентного сокращения преподавания философских дисциплин на всех уровнях российской образовательной системы насущной потребностью философского сообщества становится апология философии как учебной дисциплины. «Одним из главных путей этого нам представляется акцентирование роли и значения философии в деле формирования научного мировоззрения» [18, с. 234]. Здесь необходимо указать, что в противоположность позитивистской трактовке мировоззрения как такового, наиболее последовательно представленной Г. Гомперцем, мы необходимым элементом мировоззрения я в собственном смысле слова считаем «метафизическое ядро», обоснование чего предложено в процитированной выше статье. Соответственно, из имеющихся в отечественной литературе определений понятия «научное мировоззрение» мы используем то, которое сформулировано Н. И. Мар-

тишиной: «способ мышления, соответствующий стилю и принципам научного познания», который характеризуется теми требованиями, которые современная философия науки оценивает в качестве *критериев научности* как таковой [17, с. 5]. Однако последние слова ставят нас перед (обозначенным в начале статьи) вопросом: достаточно ли для формирования так понимаемого *научного мировоззрения того, чтобы студенты изучали исключительно сциентически ориентированные направления философии?* Или необходимо освоение полноценного курса философии, *включающего знакомство и несциентически ориентированными течениями?* (Здесь необходимо прояснить диалектику нашей позиции в вопросе статуса философии, повторив: с одной стороны, мы утверждаем необходимость не только признания, но даже и сознательного культивирования многообразия «стратегий философствования». С другой же — *«сциентистский подход к решению вопроса о статусе философии обладает значительной социокультурной ценностью, логиче-*

ской обоснованностью и широкой представленностью в истории философии» [15, с. 3607]).

Более конкретно, в аспекте подхода к преподаванию философии, основная проблема настоящей публикации может быть изложена таким образом. Если изучение философии *должно способствовать формированию у студентов научного типа мировоззрения, то зачем в рамках университетского курса философии изучать, например, философию Древнего Востока и Средневековья, или иррационалистические направления, в первую очередь — «философию жизни», или большую часть русской дореволюционной философии?* Ведь то знание, которое стало продуктивным результатом указанных философских исканий, не может быть оценено как соответствующее критериям научности. Здесь представляется уместным сказать о том, что авторы этой статьи неоднократно сталкивались с различными вариациями этих рассуждений, излагаемых представителями естественных и технических наук — в том числе и теми, кто отвечает за формирование содержательной части основных образовательных программ, различных направлений подготовки бакалавров, магистров, аспирантов. Это ставит нас перед вопросом: какие же контраргументы могут быть высказаны представителями философского знания в рамках апологии полноценного (в вышеобозначенном смысле) курса философии? Уточним: высказаны и на уровне теоретико-методологических публикаций, и в дискуссиях с представителями конкретных наук, имеющими «возможность — в рамках своей компетенции как ВУЗовских руководителей — принимать решения, препятствующие сокращению преподавания философии (хотя бы в пределах конкретного заведения высшей школы)» [18, с. 234]).

Для разработки указанной контраргументации особое значение имеет современное осмысление идей выдающегося философствующего естествоиспытателя-энциклопедиста В.И. Вернадского (1863–1945 гг.), касающихся сущности механизмов развития научного мировоззрения. («Забегая вперёд», скажем, что последнее трактовалось им тем образом, который близок к определению мировоззрения, принятому нами в качестве «отправной точки»).

Эти идеи развивались Владимиром Ивановичем Вернадским на рубеже XIX и XX вв. в рамках монографии «Очерки по истории современного научного мировоззрения», явившейся «одной из первых выдающихся попыток создания всеобщей истории естествознания» [23, с. 17]. (Отметим, что хотя эта работа впервые была опубликована лишь в 1988 г., но многие идеи из неё были высказаны, во-первых, в рамках курса, читавшегося В.И. Вернадским в 1902–1903 гг. в Московском университете, и, во-вторых, в статье «О научном мировоз-

зрении» журнала «Вопросы философии и психологии» в 1902 году, и, в-третьих, в сборнике «Очерки и речи» в 1922 г.). При этом важны слова, сказанные им в последние годы жизни: «Многое теперь пришлось бы в ней изменить, но основа мне представляется правильной» [цит. по: 23, с. 17]. Соответственно, рассмотрим указанную «основу», но вначале необходимо указать на два момента, делающих её особенно актуальной для решения поставленной в нашей статье проблемы.

Во-первых, как указывал один из авторов настоящей статьи, несмотря на то, что идеи В.И. Вернадского сегодня утвердились как в естествознании, так и в философии, «нередко недооценивается — или вообще игнорируется! — его вклад в философию науки» [13, с. 88]. (Это можно рассматривать в качестве проявления более общей тенденции отрицания существования самобытной отечественной философии науки в принципе, однако критический анализ этой позиции есть задача отдельного исследования). Среди тех, кто возражал против подобной недооценки, в первую очередь назовём видного советского философствующего геолога, академика АН СССР и РАН А.Л. Яншина, приведя следующие его лаконичные слова. «С.Р. Микулинский справедливо пишет, что если бы в научном наследии В.И. Вернадского сохранились бы только его труды по истории естествознания, то это уже позволило бы считать его великим ученым» [24, с. 4]. «Передавая слово» упомянутому в этой цитате советскому философу и историку науки, члену-корреспонденту АН СССР, солидаризуемся со следующей его оценкой В.И. Вернадского. Последний «был ученым-энциклопедистом, и ему нет равных в XX в. по разнообразию областей, в которых он оставил глубокий след» [7, с. 20], и в то же время он «был еще и одним из самых крупных историков науки XX в.» [19, с. 22]. Причём, отмечает С.Р. Микулинский, для адекватной оценки вклада В.И. Вернадского в историю и философию науки необходимо учитывать, что «в то время, когда он их (соответствующие идеи — Е. М. и П. М.) высказал, теоретические проблемы истории науки еще по существу никем серьезно не ставились» [19, с. 23]. А постановка «теоретических проблем истории науки» закономерно приводит к осознанию проблем философии науки! Этот путь во второй половине XX в. прошли постпозитивисты, в связи с чем показательна следующая мысль И. Лакатоса, известная в двух вариантах формулировки (второй из которых является парафразом слов И. Канта): «всякому историческому исследованию должна предшествовать эвристическая проработка: история науки без философии науки слепа» [11, с. 330]; «философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [10, с. 457]. Отметив, что они были высказаны английским постпозитивистом в 1970 и 1973 гг. соответственно, сделаем акцент на том, что В.И. Вернадский обратился к реальной истории науки уже на рубеже XIX и XX вв. Для нашей

работы принципиально важно то, что в результате такого «обращения» он стал одним из предтеч постпозитивистской философии науки, и, в частности, пионером в деле разработки *антикумулятивизма и экстернализма* в понимании динамики научного знания (к этим методологическим принципам мы ещё вернёмся в связи с проблемой развития научного мировоззрения).

Вторым моментом, делающим наследие В.И. Вернадского особенно актуальным для достижения поставленной нами цели, является то, что он относится к мыслителям, которые на рубеже XIX и XX вв. последовательно обосновывали ненаучность философии. Здесь мы отдаём себе отчёт, что этот тезис может показаться читателю парадоксальным, вызвав вопрос: «получается, позиция Владимира Ивановича противоречит вашей, кратко заявленной в начале статьи? Как же вы тогда планируете использовать его идеи в целях аргументирования своих рассуждений?!». Чтобы показать, что такового противоречия по существу дела нет, приведём вывод из (представленного в [12]) нашего критического анализа аргументов в пользу отрицания научности философского знания, высказанных В.И. Вернадским. С учётом прошедшего (с момента их формулировки) столетия их значимость необходимо пересмотреть в направлении её понижения, поскольку образ науки как таковой — в т.ч. и по причине освоения естествознанием наследия рассматриваемого нами мыслителя — кардинальным образом трансформировался. В контексте же «неклассического и постнеклассического образов науки» возможность признания тех или иных философских течений в качестве научных возрастает, по сравнению с классическим образом науки» [12, с. 50]. Но вновь «дадим слово» нашему гипотетическому оппоненту: «даже если этот ваш тезис и верен, то остаётся непонятным, как же он «работает» на решение задачи, заявленной в названии вашей статьи?». Ответ не прост, но в рамках диалектики внутреннего (речь о проблеме научности философии) и внешнего (имеется ввиду взаимодействие этих двух способов познания в культуре) отношения философии к науке может быть сформулирован таким (отчасти парадоксальным) образом. *Рассуждения В.И. Вернадского о научном мировоззрении сегодня становятся особо востребованными именно благодаря их сочетанию с оценкой философии как ненаучной формы знания.*

Приведя два момента, актуализующие идеи В.И. Вернадского о проблеме научного мировоззрения, перейдём к их рассмотрению последних, начав с определения русским мыслителем исходного понятия. «Именем научного мировоззрения мы называем представление о явлениях, доступных научному изучению, которое дается наукой; под этим именем мы подразумеваем определённое отношение к окружающему нас миру явлений, при

котором *каждое явление входит в рамки научного изучения и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания* (курсив здесь и далее наш — Е. М. и П. М.)» [3, с. 199]. Другими словами, те или иные *отдельные процессы или объекты «соединяются вместе как части одного целого, и в конце концов получается одна картина Вселенной, Космоса»* [3, с. 199], в результате чего фундаментальные особенности так понимаемого научного мировоззрения «будут неизменны, какую бы область наук мы ни взяли» [3, с. 199]. Но для нашей проблемы особенно важно то, что «научному мировоззрению» в таковой трактовке *имманентно «испытанное наукой орудие искания»* [3, с. 204]. Иными словами, в фундаменте рассматриваемого нами типа мировоззрения «лежит метод научной работы, ... определенное отношение человека к подлежащему научному изучению явления» [3, с. 200]. Указанный метод «подвергает пробе» любые идеи, «попадающие» в «зону внимания» рассматриваемого нами типа мировоззрения, в результате чего «каждый вывод взвешивается, факт проверяется, и всё, что оказывается противоречащим научным методам, беспощадно отбрасывается» [3, с. 204].

Рассмотренная трактовка научного мировоззрения (особенно с учётом последнего момента) вполне согласуется с тем, которое мы использовали в качестве исходного пункта рассуждений. Следовательно, идеи В.И. Вернадского, касающиеся научного мировоззрения, могут быть вполне корректно встроены в те рассуждения, с которых началась наша статья. Но возникает вопрос: *чем же процесс такового «встраивания» может обогатить указанные дебаты?!* Конкретнее сказать, каким образом эти помогут в деле обоснования сохранения полноценного курса философии, включающего изучение неэциентически ориентированных направлений последней? В качестве ответа приведём положение, которое В.И. Вернадский выдвигает и доказывает на большом материале из области истории естествознания. Отмечая, что наука «уясняет, расширяет и строит свое мировоззрение» [3, с. 205] путём того, что применяет «логические приемы работы» к тем или иным фактам [3, с. 205], русский мыслитель в то же категорично утверждает: отсюда нельзя делать вывода о том, *что научное мировоззрение и наука в целом развиваются «исключительно путем логического исследования таких фактов и явлений»* [3, с. 205]. Иначе говоря, «некоторые части даже современного научного мировоззрения были достигнуты *не путём научного искания или научной мысли, — они вошли в науку извне: из религиозных идей, из философии (обратим на это особое внимание! — Е. М. и П. М.), из общественной жизни, из искусства»* [3, с. 200]. (Хотя, отметим, указанные элементы научного мировоззрения «удерживаются» в последнем только в том случае, если вы-

держивают проверку научным методом). И более того, В.И. Вернадский в разных вариациях проводит мысль о том, что анализ истории науки даёт основание заключить, что источники даже «*наиболее важных сторон научного мировоззрения возникли вне области научного мышления*», проникли в него извне» [3, с. 206]. (Или, иными словами, об источниках даже тех интенций научного знания, «которые временами считаются наиболее ярким его условием» [3, с. 200]).

Конкретизируем и обоснуем этот тезис, приведя наиболее показательные из рассмотренных В.И. Вернадским примеров. «Общее и древнее стремление научного мирозерцания выразить всё в числах ... проникло в науку из самого древнего искусства — из музыки» [3, с. 200]. Анализируя роль числовых соотношений в китайской медицине, в гимнах Ригведы, в учении пифагорейцев, В.И. Вернадский приходит к следующему парадоксальному выводу о том, что в современных ему математических теориях «число и числовое соотношение играют такую же мистическую роль, какую они играли в древних общинах, связанных религиозным культом» [3, с. 201]. И более того, одной из интереснейших и плодотворнейших современных естественнонаучных дискуссий, он называет обсуждение следующего факта: «мы видим на каждом шагу чувства числовой мировой гармонии» [3, с. 204]. Ведь, согласно мысли учёного-энциклопедиста, именно с концептами «Мировая гармония», «Космос» «мы соединяем ... идею о закономерности всех процессов, подлежащих нашему изучению» [3, с. 201] — но происхождение этих концептов, повторим, именно вненаучное! В связи с этим показательны следующие слова одного из ведущих современных российских мыслителей, А.Г. Дугина в отношении тезиса о том, что пифагорейский союз считается «колыбелью» математики в качестве науки. «Однако, это справедливо лишь в той мере, в какой под математикой мы понимаем «сакральную науку» жреческого типа, изучающая метафизику числа» [5, с. 99]. Приведём схожие рассуждения ведущего отечественного специалиста в области пифагореизма Л.Я. Жмудя по поводу пифагорейской концепции консонансов (представляется уместным указать, что этот термин, с латинского переводимый как «звучать в унисон», означает музыкальное «благозвучное одновременное звучание различных тонов звуков» [4, с. 244]). Рассмотрение указанной концепции, пишет Л.Я. Жмудь, чаще всего начинают с того, что осмысливают пифагорейскую тетрактиду (т.е. формулу « $1 + 2 + 3 + 4 = 10$ », называемую также «тетраксисом» или «тетрадой»), «традиционно символизирующую связь *гармоники с арифмологией и религией*» [6, с. 259] и обозначающую «первые четыре числа, из которых состояли отношения консонансов, от октавы до двойной октавы» [6, с. 259]. Чтобы сделать более очевидной связь этих размышлений с вопросом интерпретации В.И. Вернад-

ским научного мировоззрения, укажем на приводимое Л.Я. Жмудём определение арифмологии, принадлежащее французскому исследователю А. Делятту: «тот жанр замечаний о возникновении, ценности и значении первых десяти чисел, в котором здоровое научное исследование смешано с фантазиями религии и философии» [6, с. 259]. Не принимая такого прямолинейно-позитивистского противопоставления «здоровой науки» и «философских фантазий», согласимся со всеми этими исследователями пифагореизма в том, что развитие античной математика как науки было тесно связано с идеями из других областей культуры, «вошедшими» — повторим слова В.И. Вернадского — в научное мировоззрение «извне». В подтверждение того, что это имело место и впоследствии, приведём рассуждения видного философа науки С.Г. Кара-Мурзы касательно появления в эпоху Возрождения связей «художественного знания» с зарождающимся научным знанием. В частности, лютия была «и излюбленным инструментом певцов, и инструментом учёных, отвечавшим требованиям точных математических расчетов, с помощью которых постигалась природа музыкального звука» [8, с. 83]. И более того, указанные «глубокие связи» способствовали становлению научной методологии Нового времени, например, весьма эвристичным для её формирования стала полтора-вековая дискуссия «о строении музыки», в которую, в частности, внёс свой вклад композитор, теоретик музыки, лютник Винченцо Галилей, отец Галилео Галилея [8, с. 83]. Причём последний был «через отца» вовлечен в обозначенные дебаты, что, «как считают историки, существенно повлиял на становление его как методолога» [8, с. 84]. Здесь необходимо пояснить, о каких же именно дебатах идёт речь. Их зачинателем стал средневековый философ, математик и астроном Н. Орем, в трактате «О соизмеримости и несоизмеримости движений неба» поднял следующую проблему: допустимо ли присутствие в музыке диссонанса? (Отметим, что этим музыкальным понятием, противоположным «консонансу» и производным от латинского *dissono* — «нестройно звучу», определяют одновременное неслитное, напряженное, острое одновременное звучание несозвучных тонов). Как в связи с этим пишет отечественный философ, историк науки и искусства В.П. Зубов, «Орем пожелал искать несоизмеримое и иррациональное не только в абстрактном мире математики, но и разглядеть их в глубине видимого мира» [7, с. 127], для чего — добавим — вынужден был обратиться к опыту, накопленному искусством, конкретно — музыкой. Завершим этот смысловой блок выводом о том, всё рассмотренное не только обосновывает тезис В.И. Вернадского о том, что «общее стремление научного мировоззрения выразить всё в числах пришло из музыки», но и усиливает его, демонстрируя, что и реализация этого стремления заставляет учёных осваивать опыт других областей культуры.

В.И. Вернадский не менее подробно показывает «внезапное происхождение» и многих других важных идей современного ему научного мировоззрения. Например, «понятие об эволюции и её частном проявлении — прогрессе, могли ... проникнуть из философии в научное мировоззрение» [3, с. 214]. И — далее идёт пассаж, ярко показывающий, что рассматриваемый автор представляет диалектический подход к взаимодействию философии и частнонаучного знания — «выдержавши критику научного отношения к вопросу, (эти идеи смогли — Е. М. и П. М.) *оказать*, сами изменившись в своём содержании и понимании, *могущественное влияние на современное научное мирозерцание*» [3, с. 214]. В качестве более частным примеров этого В.И. Вернадский называет «атомы, влияние отдельных явлений, материя, наследственность, энергия, эфир, элементы, инерция, бесконечность мира и т.п.» [3, с. 206]. Особое внимание он уделяет понятию «сила». Хотя оно стало научным понятием лишь в XVIII в., представления о силе «как о причине движения ... о сообщении чего-то самому двигающемуся предмету, постепенно его тратящему» [3, с. 207] на самом деле гораздо старше: они проникли в науку «из жизни, из мастерских, от техников, от людей, привыкших к стрельбе и к механической работе» [3, с. 207–208]. Это иллюстрируется В.И. Вернадским следующими словами энциклопедиста XVI в. И.Ю. Скалигера: «Еще мальчиками ... мы видели ответ: «сила натянутой тетивы остается в стреле»» [3, с. 208]. Это — один источник научного понятия «сила»; но для нашей темы более важен иной, хотя и менее очевидный, но придавший вышерассмотренным обыденно-практическим представлениям о силе «более близкую к научным построениям форму» [3, с. 208]. А именно — указанное понятие «выкристаллизовывалось» «в среде мистических философских учений, которые издревле привыкли допускать эманации, инфлюэнции, всякого рода бестелесные влияния в окружающем нас мире» [3, с. 208]. Этот смысловой блок подытожим той мыслью В.И. Вернадского, принципиальная важность которых будет показано далее: рассматриваемый нами тип мировоззрения «как и все в жизни человеческих обществ — приспособляется к формам жизни, господствующим в данном обществе» [3, с. 232].

Далее приведём пару высказанных видными отечественными философами, *П. В. Алексеевым* и *А. П. Огурцовым*, оценок рассмотренной нами составляющей наследия В.И. Вернадского, с каковыми мы согласны в одном аспекте, но не согласны в другом. *П. В. Алексеев* пишет, что использование учёным-энциклопедистом понятия «научное мировоззрение» оказалось «новым и плодотворным. ... В отличие от естественнонаучной картины мира это было *действительно мировоззрение с его основной проблемой об отношении человека к миру*» [1, с. 7]. Соли-

даризуясь с этим суждением (собственно, в противном случае мы бы не обратились к наследию В.И. Вернадского в связи с проблемой формирования у студентов научного типа мировоззрения), мы не принимаем сделанного П. В. Алексеевым вывода из него: «научное мировоззрение», согласно В.И. Вернадскому, в будущем «могло непротиворечиво включиться в состав научной философии» [1, с. 7]. Повторим: как это ни покажется парадоксальным, *именно сочетание, во-первых, присущей В.И. Вернадскому антисциентистской трактовки статуса философии, и, во-вторых, обоснованием им значимости философского знания для развития научного мировоззрения, эффективно работает на достижение цели нашей статьи*. Более того, отметим, что В.И. Вернадский специально оговаривается, что на науку влияет в т.ч. и то философское знание, гносеологические характеристики которого радикально отличны от таковых характеристик знания научного. В частности, он писал, что все философские представления «одинаково отражаются на научных концепциях и с ними одинаково надо считаться» [2, с. 357]. Например, восточная философия гораздо «дальше» от критериев научности, нежели античная или новоевропейская, однако же В.И. Вернадский «величайшим в истории культуры фактом, только что выявляющим глубину своего значения» [2, с. 358] называет «*вхождение в научную западную мысль живой ... философии Востока*» [2, с. 358].

С. А. П. Огурцовым же мы согласны в том, что понятие «научное мировоззрение» стало «аналитической единицей, с помощью которой осуществлялось философское исследование науки» [20]. Причём «одним из первых анализировать историю науки под этим углом зрения стал В.И. Вернадский» [20], который в фокус внимания поставил не историю тех или иных наук или концепций, а «развития естествознания в плане роста научного мировоззрения» [20]. Но в то же время мы не можем согласиться с критической оценкой, сделанной А. П. Огурцовым в отношении этого подхода в связи со следующим обстоятельством. Научный тип мировоззрения как «единица» анализа собственно науки «весьма сложна и не операциональна» [20], поэтому научное мировоззрение «по своей конфигурации и составу было весьма причудливым, объединяя в себе и метод, и метафизические компоненты (как можно понять из контекста, речь о философских идеях в их традиционном понимании — Е. М. и П. М.), и экстраполяцию данных опыта и эксперимента из одной области реальности в другую, и религиозные предпосылки, и многое другое» [20]. Рассмотренное нами даёт основания заключить, что таковая «*причудливость*» «*конфигурации и состава*» научного мировоззрения *отражает реальную сложность системы факторов, обуславливающих динамику науки*.

В связи с этим повторим слова В.И. Вернадского, на которых мы делали особый акцент: *научное мировоззрение «приспосабливается к формам жизни, господствующим в данном обществе», «резко и своеобразно отражает дух времени»*. Это заставляет вернуться, но уже на новом уровне, к таким установкам в анализе науки, как *антикумулятивизм и экстернализм*. Чтобы показать их прямую связь с решаемой в нашей статье проблемой, приведём следующие лаконичные констатации видных современных философов науки: «для классической концепции важной характеристикой науки была социокультурная автономность» [16, с. 38–39], но «методологические принципы кумулятивизма и интернализма, *выражавшие когда-то идею самодостаточности науки*, ныне вытеснены противоположными принципами антикумулятивизма и экстернализма» [21, с. 244]. Покажем связь последних с научным мировоззрением в трактовке В.И. Вернадского, начав с антикумулятивизма, для чего следует обратиться к работам *Э.И. Колчинского и А.П. Пилипенко*. Первый из них пишет о том, что «с начала XX в. Вернадский уделял большое внимание истории науки, демонстрируя непрерывные преобразования картины мира и изменения ценности добытых фактов и научных обобщений» [9, с. 90]. *Второй* схожим образом отмечает, что рассматриваемый нами философ и учёный-энциклопедист «решительно отошел от кумулятивной модели науки, ... и развил представление об истории науки как чрезвычайно сложном процессе, включающем качественные превращения системы знаний» [22]. Но для нашей темы особенно важно то, что эти «непрерывные преобразования НКМ», «качественные превращения системы знаний», *трактовались В.И. Вернадским в рамках экстерналистского подхода к логике развития науки*. Последний трактует науку «как органическую часть социокультурной системы, а историю науки — как часть социального процесса. Следовательно, не только динамика и направление

развития научного знания, но его содержание зависят от негносеологических факторов» [14, с. 142].

Обобщая сказанное, приходим к выводу, что одним из первых в науке XX в. *убедительно показав необоснованность претензий (в частности) естествознания на «самодостаточность», социокультурную автономность, В.И. Вернадский вполне закономерным образом пришёл к тому, что столь же обоснованы и аналогичные претензии со стороны научного мировоззрения в целом*. В связи с этим приведём важнейшие для решения поставленной в нашей статье задачи слова Владимира Ивановича: научный тип мировоззрения «развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. *Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно*. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою и могут быть разделены только в воображении» [3, с. 208–209]. Соответственно, «никогда не наблюдали мы до сих пор в истории человечества науки без философии и, изучая историю научного мышления, видим, что философские концепции и философские идеи входят как необходимый, всепроникающий в науку элемент во все время ее существования» [3, с. 209].

Таким образом, всё рассмотренное позволяет утверждать, что сегодня исследования В.И. Вернадским научного типа мировоззрения в его динамике выступают убедительным доводом в пользу того, что *изучение даже неэциентически ориентированных направлений философии необходимо для формирования у студентов научного мировоззрения, что, в свою очередь, является главной задачей высшего образования как такового*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П. В. Вместо предисловия // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. С. 5–28.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 242–469.
3. Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 184–241.
4. Грубер Е. Словарь иностранных слов... М.: ЛОКИД-пресс, 2005. 654 с.
5. Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М. Арктогея-Центр. 2002. 418 с.
6. Жмудь Л. Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М.: Университет Дмитрия Пожарского, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 445 с.
7. Зубов В. П. Николай Орём и музыка // Наука и искусство. М.: ИФ РАН, 2005. С. 121–127.
8. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение: В 2 ч. Ч. 1. М.: Научный эксперт, 2011. 464 с.
9. Колчинский Э. И. Владимир Иванович Вернадский // Историко-биологические исследования. 2013. Том 5. № 3. С. 90–93.
10. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 455–524.
11. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 269–453.
12. Макухин П. Г. К вопросу актуальности идей В. И. Вернадского во внутреннем и внешнем отношении философии к науке в целом // Научная дискуссия: инновации в современном мире. 2016. № 11 (54). С. 48–52.

13. Макухин П. Г. К вопросу вклада В. И. Вернадского в философию науки: обоснование необходимости обращения к истории науки и разработка (на этом пути) методологических принципов кумулятивизма и интернализма // Достижения и перспективы развития науки: сборник научных статей. Выпуск 26. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 88–93.
14. Макухин П. Г. К вопросу о влиянии Реформации на формирование классической научной рациональности // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 8 (15). Часть 1. С. 142–144.
15. Макухин П. Г. Проблема места Э. Гуссерля в истории самоопределения философии в отношении к науке, и, соответственно, использования разработанных им аргументов в современных пропедевтических дискуссиях // В мире научных открытий. 2015. № 7.10 (67). С. 3605–3623.
16. Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки: Научное издание. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1996. 187 с.
17. Мартишина Н. И. Научное мировоззрение и образование // Омский научный вестник. 1998. № 3. С. 4–5.
18. Мезенцев Е. А., Макухин П. Г. Проблема сущности научного мировоззрения и его формирования у студентов в свете апологии философии // Успехи современной науки и образования. 2017. Том 6. № 4. С. 234–239.
19. Микулинский С. Р. В. И. Вернадский как историк науки // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1988. С. 19–41.
20. Огурцов А. П. Приключения философии науки в России в XX веке [Электронный ресурс] // Философия науки. 2001. № 3 (11). С. 27–52. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000703/>
21. Пивоваров Д. В. Сциентизм и асциентизм // Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2007. С. 241–245.
22. Пилипенко А. П. В. И. Вернадский как исследователь науки. К 150-летию со дня рождения [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журнал RELGA. 2013. № 4 [260]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3488&level1=main&level2=articles>
23. Предисловие к первому изданию // В. И. Вернадский Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1988. С. 17–18.
24. Яншин А. Л. Предисловие // В. И. Вернадский Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1988. С. 3–16.

© Макухин Пётр Геннадьевич (petr_makuhin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный технический университет